

УДК 32:316

Ирина Борисовна Фан

доктор политических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела философии
Института философии и права УрО РАН,
г. Екатеринбург. E-mail: Irina-fan@yandex.ru

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОРРУПЦИИ¹

Предметом данной статьи являются политические и психологические, институциональные (ситуативные) и ценностные (ментальные, субъективные) факторы, условия и механизмы воспроизводства коррупции в современной России. Рассмотрены негативные последствия коррупции: криминализация государства и общества, несправедливое перераспределение общественных благ, социальная поляризация и социальная напряженность и др. Социологические исследования показывают, что коррупция в России стала неформальным, но устойчивым социальным и политическим институтом. Политическая психология позволяет объединить теоретические и практические подходы индивидуальной (в частности психоанализа) и социальной психологии для исследования коррупции как явления, связанного с публичными отношениями и государственным управлением. В статье исследовано образование формальных и неформальных социальных норм в социальных группах, социальных стереотипов, а также психология конформизма или давления групповых норм на индивида и значение социализации в семье для разграничения частной и публичной жизни личности. Одной из социальных причин распространенности коррупции является отсутствие ценностного согласия и доверия, фрагментация общества на группы «своих» и «чужих» по разным критериям. Следствием этого являются «двойные стандарты» оценки сходных действий в зависимости от принадлежности к той или иной группе. Опасение вызывает рутинность массовых представлений о коррупции среди «своих» как социальной норме. Предложены общие подходы противодействия коррупции.

Ключевые слова: политика, коррупция, конформизм, социальные стереотипы, социальная группа, социальные нормы, публичная сфера, частная жизнь, психоанализ, политическая и правовая культура.

Проблема коррупции не является абсолютно новым вызовом для современных обществ. Наоборот, она относится к темам, к сожалению, не теряющим актуальность несмотря на давние традиции ее теоретического и практического исследования и казалось бы отработанные и надежные средства борьбы с этой «порчей» социальных отношений и взаимодействий. Особого внимания требуют масштаб и динамика коррупции в России, поскольку результаты исследований свидетельствуют о том, что «коррупция как социальное явление укореняется и проникает во все зоны социального пространства» [Сатаров 2013: 9].

¹ Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН, проект Института философии и права УрО РАН № 12-Т-6-1002 «Эволюция социально-политических и правовых регуляторов современного общества».

Специалисты фиксируют следующие негативные социальные следствия, порождаемые коррупцией: происходит криминализация государства и общества, «несправедливое перераспределение общественных благ» [Сатаров 2013: 16] и рост социальной поляризации и социальной напряженности, зависимость между ростом коррупции и возрастанием нарушений прав личности, человека, гражданина, а также ростом нестабильности в регионах и стране [Пинкевич 2012: 119], значительные угрозы финансовой, социальной, экономической и иным видам безопасности государства, «нормальному функционированию публичной власти, верховенству закона, демократии, правам человека и социальной справедливости» [Булгакова 2012: 325].

Коррупция – опасное явление, поскольку ее распространение и глубина проникновения в социальные и политические отношения способны изменить характер политики и политической системы в целом. Так, если политика – публичная деятельность по управлению государством, связанная с распределением ресурсов в интересах целостности общества, то коррупция как неправовое распределение ресурсов в интересах должностных лиц и их ближайшего окружения детерминирует то, что вся политика приобретает неправовой характер. Политико-правовая система общества перестает функционировать в качестве системы реализации индивидуальных прав всех граждан и начинает работать как система осуществления интересов только членов тех социальных групп, которые вовлечены в коррупционные отношения. При этом иерархия и социальное неравенство прямо вытекают из системы коррупции. Данная теневая структура замещает формальную структуру власти, паразитирует на ней и разрушает изнутри.

При коррупционности армии трудно быть уверенным в безопасности страны, при коррупционности правоохранительных органов и судебной системы гражданам сложно верить в личную безопасность. В целом коррупция ведет к социальной деградации общества [Голик, Карасев 2005: 260]. Еще один аспект проблемы – трансформация коррупции в условиях глобализации, разрушения прежнего баланса автономии экономики и политики, противоречивых взаимоотношений национальных государств и государств-корпораций [Панкевич 2009: 76].

Признанием необходимости борьбы с данным явлением является ратификация Российской Федерацией (2006 г.) Конвенции ООН против коррупции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г., а также принятие Федерального закона от 26 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом президента РФ от 13 апреля 2010 г. № 460.

Коррупция – многоуровневое, исторически и типологически многообразное социальное явление (или совокупность разных явлений, имеющих сходные черты), постоянно меняющее свои формы, способы, инструменты. Известны такие ее виды, как бытовая, деловая, административная и политическая. В коррупцию вовлечены индивидуальные и групповые участники, формальные государственные и неформальные структуры, пуб-

личные и частные лица. В целях выработки рекомендаций по противодействию коррупции необходимо решить теоретическую проблему определения данного чрезвычайно сложного по составу явления. Для этого требуется мультидисциплинарный подход. Борьба с коррупцией невозможна средствами, разработанными в какой-то отдельной сфере общества, исключительно правовыми или экономическими способами. Обнаруживаются сквозные, комплексные проблемы, требующие объединения усилий представителей разных наук, специалистов разных сфер и областей общества.

Накоплен значительный эмпирический и теоретический материал по исследованию социальных, экономических, политических, юридических и иных аспектов коррупции. В юридических науках фиксируются широкий и узкий подходы к определению коррупции. В рамках первого подхода она характеризуется как «негативное социальное явление, поразившее публичный аппарат управления». В узком юридическом смысле она рассматривается как «совокупность составов правонарушений, предусмотренных в законодательстве РФ и отличающихся таким важным квалифицирующим признаком, как использование должностным лицом своего публичного статуса в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [Хабриева 2012: 25]. К видам таких правонарушений данный автор относит коррупционный лоббизм, коррупционный протекционизм, коррупционный фаворитизм, незаконное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, незаконную поддержку и финансирование политических структур (партий и др.), вымогательство, предоставление льготных кредитов, заказов, корыстное злоупотребление властью или должностным положением [Хабриева 2012: 26].

Существуют серьезные социологические исследования проявлений и причин коррупции. Внедрение рыночных отношений в нерыночные сферы деятельности (государственное и муниципальное управление, образование, здравоохранение, культуру, религию, искусство, спорт) В.Л. Римский считает одной из важнейших причин распространения и выживания коррупции [Римский 2013: 61]. Необходимо различать рыночные и нерыночные блага, их социальные функции и способы воспроизводства. Нерыночные блага – мораль, патриотизм, религиозная вера, солидарность, альтруизм, гуманизм, честная конкуренция, справедливость в обществе и другие формируются историей и культурой и являются основаниями коллективной и индивидуальной идентичности психологии граждан. Российское государство почти не поддерживает нерыночные блага, а гражданскому обществу оно это делать не позволяет.

Следствием такой ситуации является утрата общей ценностной основы для интеграции общества, единых идеалов, требований, морали, права, что вызывает тенденции распада государства и общества. Государственное управление подчинено бюрократии и экспансии в духовную сферу рыночных представлений об эффективности и успешности. В соответствии с этими критериями наиболее эффективными на рынках становятся монополисты. При этом бюрократия все более концентрирует власть в

своих руках и использует ее в личных или корпоративных интересах. Должностные полномочия чиновников стали их личными привилегиями, полученными от начальства. Эти полномочия позволяют чиновникам служить не государству и обществу, а себе и своим начальникам посредством включения в коррупционные отношения с целью обогащения, получения незаконных преимуществ. «Свои наиболее существенные неформальные доходы российская бюрократия получает не от взяток и коммерческих подкупов, а от систематически получаемой ренты от контролируемой ими собственности» [Римский 2013: 65].

Чтобы получать ренту со всей собственности в государстве, российская бюрократия поддерживает коррупцию во взаимоотношениях органов власти с гражданами и бизнесменами и в других сферах жизни. Историческое тождество власти и собственности, так и не преодоленное в современной России, создает ситуацию, когда фактически собственностью владеют лишь узкие группы бюрократии. В силу этого коррупция давно уже стала социальной нормой в нашей стране и носит черты неформального социального института (или множества таких институтов, практик, сетей). Коррупционным правилам решения проблем большинство населения привычно подчиняется даже при наличии общего критического отношения к коррупции. Рутинность коррупционных ситуаций и практик свидетельствует об устойчивости этоса коррупции в российской культуре (Римский В.Л.).

Существенным для профилактики коррупции является вопрос о том, каким образом усваивается этос коррупции, если он не описан ни в каких документах и воспроизводится исключительно посредством молчаливого принятия. О неформальных коррупционных правилах поведения приходится догадываться, получать о них информацию из контекста разговоров и действий, массовой культуры и т.д. Исследования показывают, что коррумпирован может быть любой человек, если он попадает в коррупционную ситуацию. Этос коррупции поддерживается не универсальной моралью, а «воспроизведением договорных коррупционных отношений, устных и непубличных, временных и неформальных, конкретных и очень разнообразных» [Римский 2013: 70]. Здесь вступают в силу социально-психологические механизмы воспроизводства коррупции: стереотипное отношение «все воруют», привыкание к неформальным нормам этоса коррупции, безразличие, апатия, вынужденное принятие ее из-за невозможности (или затрудненности) решения тех или иных личных или общественных проблем легальным путем. Механизм включения каждого человека в коррупционную ситуацию, сопровождающийся молчаливым согласием с этосом коррупции, и есть способ ее воспроизводства. Это механизм действия конформизма, адаптации к давлению группы (общности).

При изучении коррупции обнаруживаются институциональные и внеинституциональные факторы и условия ее воспроизводства. К первым относятся те устойчивые отношения, которые регулируются повторяющимися во времени и пространстве правилами игры – формальными и неформальными. Условно их можно обозначить термином «ситуация», то

есть совокупность сложившихся условий, детерминирующая коррупционное поведение. «Укорененность и распространенность коррупции в России свидетельствует, что она невозможна без определенной институционализации [Сатаров 2013: 742]. Коррупция возникает на стыке формальных и неформальных норм.

В политической социологии коррупция в политике рассматривается как симбиоз формальных и неформальных институтов [Гельман 2010: 6-24] и как внутренне присущее свойство морального и социально-политического порядка в современной России [Римский 2013: 59-70]. Участники коррупционных взаимодействий и практик используют возможности (пробелы, зазоры, расстыковки в нормах, процедурах, технологиях и т.д.) формальных и неформальных институтов. Следовательно, коррупцию можно рассматривать в качестве ряда неформальных социальных институтов, сетей и практик, паразитирующих на формальных социальных институтах и вытесняющих их. Коррупционные отношения воспроизводятся определенными социальными группами и неформальными социальными нормами, регулирующими их практики и задающими установки и мотивы поведения их членов. Следовательно, вопрос, что определяет коррупцию – ситуация или личностные свойства людей, должен трансформироваться в рассмотрение взаимозависимости между институциональными, ситуационными и субъективно-психологическими и социокультурными факторами.

Без исследования ценностных и ментально-психологических аспектов и измерений коррупции невозможно понять причины ее устойчивого воспроизводства. Прежде чем станет возможно выработать рекомендации по трансформации политической культуры, неразвитого правосознания и правового нигилизма рядовых граждан, предпринимателей, государственных и муниципальных служащих, сознательно или бессознательно поддерживающих коррупцию, необходимо разобраться, что в их ментально-психологическом оснащении делает коррупционное поведение приемлемым, нормальным, обычным. Изучение психологических механизмов воспроизводства коррупции предполагает поиск ответов на вопросы, каким образом и по каким глубинным причинам рутинное повседневное коррупционное поведение не оценивается массовым сознанием как коррупция. Его оправдывают, считают нормой. Каким образом в коррупционные связи и отношения, главным звеном которых является чиновничество, вовлекаются новые люди? Одним из важнейших направлений исследования является изучение причин того, почему взаимодействие населения (масс) и должностных лиц как представителей органов государственной власти приобретает характер коррупционного? Поведение любого индивида во многом определяется его принадлежностью к той или иной социальной группе, поэтому анализ коррупции должен включать изучение особенностей данной социальной группы и ее этоса.

Политическая психология имеет самое непосредственное отношение к данной проблеме, поскольку она позволяет объединить теоретические и практические подходы психологии личности и социальной психологии

для исследования социально-политических аспектов коррупции как явления, связанного с публичными отношениями и государственным управлением. К тому же политическая психология является одной из субдисциплин политической науки. Психологические основы воспроизводства коррупции как неформального, но реального и весьма устойчивого в российской истории социального и политического института связаны с исследованием субъективных механизмов поведения как минимум двух сторон коррупционного взаимодействия и, соответственно, двух участников каждого акта коррупции.

Типичная психология каждого из участников конкретного коррупционного акта, как и коррупционного взаимодействия в целом, имеет специфические особенности, находящие выражение в поведении. Есть доминирующая сторона в любой коррупционной сделке. Она практически всегда обладает тем или иным властным статусом и доступом к ресурсам, вымогающая и получающая взятку (в той или иной форме – дарение, деньги, услуга и т.д.). Условно назовем ее «взяточполучателем». И есть слабая сторона – «взятодатель», несущий взятку в целях разрешения той или иной проблемы. Эти фигуры близки полюсам «управляющий» (имеющий доступ к системе управления, входящий в состав бюрократии, номенклатуры) и «управляемый», «властный и подвластный».

Однако даже если коррупционная сделка осуществляется двумя лицами (рядовым гражданином и должностным лицом, или двумя должностными лицами, представляющими разные ведомства), прямо или косвенно она неизбежно включена в систему коррупционных отношений между группами, к которым принадлежат эти лица. Акт коррупции – лишь фрагмент сложной сети отношений. Для него нужна организационная подготовка, коммуникативная, информационная и силовая поддержка («прикрытие») коллективных и индивидуальных участников. Этот акт требует согласованных действий в пространстве и времени – прошлом, настоящем и будущем. Невозможно его осуществление без опоры на ту или иную социальную группу и ее интересы.

Важный аспект психологии воспроизводства коррупции – соотношение конформистского и неконформистского поведения. «Не быть белой вороной» – это один из основных мотивов коррупционного поведения людей в условиях давления группы, в которую включен индивид. Не важно, какая это группа – частных физических лиц или юридических подразделений: ГИБДД или Министерство по управлению государственным имуществом конкретной области. Конформизм определяют как «изменение поведения или убеждения в результате давления группы» [Майерс 2002]. Известно, что совершение зла облегчается, если оно распределяется в группе, делаясь на мелкие части. «У нас, своих, так принято», «так все делают» – подобные выражения оправдывают механизм размывания личной ответственности, разделения ее с «референтной группой». Главное для члена группы – не попасть в ситуацию социальной отверженности, не быть изгоем, изгнанным, не оказаться в ситуации публичного позора, осмеяния.

Еще одно основание коррупции (и ее функциональной оценки) – отсутствие социокультурного, ценностного согласия и доверия в российском обществе, дефицит общей морали и общего живого права. Общество распадается на группы «своих». В совокупности практик, которые осмысливаются массовым сознанием как коррупционные, выделен ряд стереотипов по отношению к коррупционным действиям. Это стереотипы «неприятия коррупции», «терпимости к «легким» видам коррупции», уверенности в «неискоренимости коррупции» [Леонтьева 2010: 46, 48, 49]. Каждый из них оказывается неоднозначным и выражается по-разному в зависимости от контекста как «двойной», а то и более дробный «стандарт». Следовательно, функциональны и стереотипы, и соответствующее поведение, и практика. Функциональность коррупционного поведения детерминирована социальной группой, в которой действуют эти стереотипы и где осуществляются те или иные однотипные действия. Они могут интерпретироваться как либо коррупционные, либо оправданные и вполне «нормальные». Получается, что коррупция – функция контекста ситуации, определяемого принадлежностью участников взаимодействия к той или иной социальной группе (группе «своих») и положением данной группы во властной иерархии.

Если определенные действия (дары, блат, протекции и т.д.), совершаются среди «своих» («своими»), они квалифицируются массовым сознанием как допустимые, но если эти же действия совершаются среди «чужих» («чужими»), они считаются коррупционными. Люди осуждают коррупцию, поскольку считают, что она не имеет отношения к ним самим. Коррупцией, по мнению рядовых граждан, могут заниматься только те, кто выше по социальной лестнице – взяточничество и подкуп возможны лишь по отношению к чиновникам, людям более высокого статуса.

Нижний уровень воспроизводства коррупции не осознается. Нарушение морали и правовых норм ради необходимой помощи «своим» оправдывается. «Легкие» виды коррупции (подношения, дары, протекции) являются настолько распространенными и привычными, что не оцениваются как коррупционные. И наоборот, осуждаются нелегальные денежные операции (взяточничество, мошенничество, казнокрадство), осуществляемые с участием органов государственной власти. Можно даже предположить, что массой осуждается то, до чего рядовой индивид не может дотянуться, поскольку лишен доступа к ресурсам власти. Таково состояние массовой правовой и политической культуры и психологии современных россиян, включая представителей элиты.

Причин того, что коррупция в нашей стране стала социальной нормой, множество. Важно понять, каким образом формируются социальные нормы в субъектном смысле, со стороны субъективных механизмов социальных явлений и процессов. Существует точка зрения о том, что социальная норма может складываться ситуативно, в разных группах и в конкретном социокультурном и политическом контексте по-разному. Именно группа формирует норму посредством механизма усреднения индивидуального восприятия, мышления и поведения.

Усреднение способов реагирования на любые события осуществляется посредством давления группы на отдельного индивида. Это усреднение порождает представления, не только не соответствующие индивидуальным представлениям членов группы, но и абсолютно ложные. Очевидно, что само давление группы в сочетании с публичностью этого серьезного группового влияния дает различные по эффекту и значимости последствия. Под явным или неявным давлением группы индивид подчиняется коллективной норме, групповым представлениям и стереотипам. Группа является также мощным проводником давления (авторитета) власти на индивида, ограничивающим или даже лишаящим его собственных суждений, желаний и воли. Группа задает индивиду программу психологии конформизма.

Политическая и правовая культура каждой социальной группы (общества) содержит социальные нормы разных уровней, в том числе и совокупность неписаных правил, стереотипов восприятия, мышления и поведения. Наиболее глубокие из этих правил касаются статуса индивида в пространстве и его группы по нескольким параметрам: 1) как вести себя по отношению к власти. Правило будет разным в зависимости от принадлежности индивида к группе «управляющих» или управляемых» (господство/подчинение); 2) как вести себя внутри группы «своих» и в отношениях данной группы к «чужим»; 3) как вести себя в семье и на публике («частное/публичное»). С этим связаны осознание и оценка места «своей» группы и себя в публичном и частном пространстве. Эти правила изначально закладывают «двойные стандарты» в сознательные и бессознательные ментальные структуры отражения социальной реальности.

Социокультурные нормы имеют основания и в индивидуальной психологии, психологии личности. Без нее невозможно обойтись при изучении поведения должностных лиц, в том числе коррупционного, а также при исследовании особенностей принятия ими политических и иных решений. Сложный комплекс отношений к власти формируется из целого спектра отношений ребенка с матерью и отцом, причем эти отношения, находятся в постоянной динамике, проходят разные стадии, кризисы, происходит их позитивное или негативное разрешение.

Отношения индивида с группой детерминируются предшествующим опытом отношений внутри семьи, в том числе между сибсами (братьями или сестрами) и данной семьи по отношению к другим социальным группам и общностям. Отношения «Я в частном и публичном пространстве» вырастают на основе субъективных механизмов поддержания первых двух типов отношений. Частное пространство – основа для становления отношений индивида в поле публичных отношений. Важно, чтобы произошло восприятие необходимости относительного обособления сфер частного и публичного в сознании и психике личности. Без этого личность не может обрести зрелость.

Э. Эриксон пишет о том, что в воспитании общественного сознания часто игнорируется такая функция детства, как участие в создании соци-

альных институтов, а также то, что в любом поведении человека сохраняются инфантильные истоки. Человек опасается внешнего врага, но это опасение на самом деле исходит изнутри из «агрессивных влечений, чувства собственной малости и раскола внутреннего мира», поэтому индивид и в личных делах, и в международных склонен опасаться вторжения «чужих» сил и «провала перед обступающей, издевающейся публикой» [Эриксон 2002: 394]. «Провал» можно проинтерпретировать как страх перед публичным позором даже среди «своих».

Есть связь между инфантильными страхами и тревогой, с одной стороны, и сферами эксплуатации – власти, влияния, юрисдикции, собственности, – с другой, – пишет Т.В. Пинкевич. Каждый индивид в разной степени склонен проецировать свои инфантильные страхи, опасения и побуждения на социальные – политические, экономические и иные отношения. Среди них – страх «утратить автономию», быть запертым, страх перед ограничениями и запретами или противоположное по направленности чувство утраты ограничений, «страх быть атакованным с тыла», или страх оказаться незащищенным перед разрушительной проверкой и страх «провалиться», страх утратить идентичность и т.д. Вызовы сегодняшнего мира создают массу трудностей для институтов социализации и гармоничного развития детей, обретения ими полноценной индивидуальной и гражданской идентичности. «Но повсюду, где чувство идентичности утрачивается, где целостность и полнота уступает место отчаянию и отвращению, генеративность уступает стагнации, интимность – изоляции, а идентичность – смешению ролей, боевые порядки объединенных инфантильных страхов легко приходят в движение» [Эриксон 2002: 400].

Последствием этого могут быть поиски спасения в псевдоидентичностях, в имитациях исполнения важных общественных и политических ролей, уходе от реальности, различного рода зависимостях, а также в распространении коллективных страхов, панических настроений и других болезней коллективного разума, которые зачастую насаждаются в массы, культивируются через массовую культуру и пропаганду.

В нашем обществе краткие периоды искусственно созданного патриотизма сменяются длительными периодами фрустрации и апатии, возникающими в людях от беспомощности, невозможности свободно и автономно решать личные и общественные проблемы. Фрустрация – следствие физической, экономической, информационно-психологической эксплуатации массового человека, использования пропагандой и массовой культурой базовой потребности в принадлежности к социальной группе и идентичности и базовых инфантильных страхов людей. Длительное неравенство ребенка и взрослого создает условия эксплуатации первого вторым, и это имеет серьезное отношение к эксплуатации народа властью.

Психоаналитический подход дает еще один интересный аспект и возможность объяснить природу коррупции. «Сегодня же иерархические системы прямого подчинения и прямого распределения благ по сути являются материнскими структурами независимо от пола их руководителей»

[Зубарев 2011: 56]. К материнским структурам относятся те, которые предполагают полное поглощение индивида, это армия, спецслужбы, государство в целом, церковь, мафиозные кланы, политические клики, клиентеллы и подобные образования. В них распространена клановость, семейственность и т.д. Массовые уровни российской власти, особенно средние этажи бюрократии, представлены материнскими (женскими) фигурами.

Какое значение это имеет для психологии коррупции? В психологии установлены определенные закономерности социализации личности. Структура отношений в семье задает ценностные ориентиры, мотивацию, представления о социальных нормах (об отношении к власти, к «своим», «чужим», к себе, о поведении в частной и публичной жизни) для личности в ее последующей жизни. Распределение семейных ролей таково, что отец отвечает за смену материнского произвола и введение детей в мир взрослых, в мир Закона и Права. Однако в России налицо кризис института отцовства. «...Семейная матрица власти в России – вовсе не «Отец и дети», и даже не «Мать и дети», а «мачеха и дети» – «свои и чужие» [Зубарев 2011: 54].

Существуют два типа формирования государства – по типу материнской структуры и по типу структуры мачехи. Эти культурные матрицы-метафоры позволяют образно выразить суть происходящего. Коррупция – способ подкупить Мачеху (бюрократию, приватизировавшую государство и его ресурсы), попытка побудить ее вести себя хотя бы в данном конкретном случае по-матерински. Этот «магический» способ порождается в силу незрелости, невзрелости, несамостоятельности, отсутствия автономии и навыков социальной субъектности каждого отдельного массового человека, социальных групп, общества в целом. Главный конфликт в российском обществе, оказывающий влияние на все социальные и политические процессы, это конфликт между зрелыми и инфантильными людьми независимо от их пола и других различий. Государство, которым распоряжается бюрократия, не выпускает никаких субъектов в самостоятельную жизнь, оно применяет всю совокупность политических, информационных и иных технологий для того, чтобы оставить население в качестве зависимого от государства ребенка. Но и общество в массе своей не стремится взрослеть и становиться субъектом, носителем политических и экономических прав.

Сфера публичности, политики (в широком смысле) для индивида – пространство деятельности и демонстрации всего того, что было выработано в частной сфере и на ее основе – ценностных ориентаций, диспозиций, установок восприятия, мышления и поведения, навыков общения, действия и т.д. Субъективный опыт собственной семьи трансформируется индивидом в сферу отношений в общностях больших масштабов. С точки зрения психологии здесь велика роль проекции отношений (установок, комплексов, проблем), уже сформировавшихся в семье, на отношения с основными субъектами в тех или иных общностях, например отношений к матери или отцу на отношения к политическому лидеру. Особой значимо-

стью обладает и событие публичного позора, и его субъективное переживание. Кстати, старое, церковно-славянское значение слова «позор» – взор, взгляд, внимание, зрелище, гласность, явность [Даль 1998: 599]. Это в XIX в. оно приобрело преимущественно негативный смысл «бесчестья, постыдного, презренного положения» [Виноградов 1999: 975]. Психопроанализ придает серьезное значение переживанию публичного позора, истоки которого видит в особенностях формирования навыков управления кишечником в раннем детском возрасте. На основе этого опыта формируются навыки управления собой. На публике проявляется умение (или неумение) управлять собой и показывать себя в соответствии с публичными нормами. Это процессы, где психология личности переходит в социальную и политическую психологию.

Коррупция, наряду с прочим, исходит из стремления одомашнить, сделать частным публичное пространство, публичные должностные обязанности поставить на службу себе как частному лицу или своей «домашней группе» (клану, клике). В интересах должностного лица – не допустить разделения сферы частного и публичного в исполнении государственных обязанностей. Психологические аспекты проблемы связаны и с происхождением российского государства как частного хозяйства государя, а также со ставшими традиционными отношениями ко всему государственному как сфере владения и распоряжения не только верховной власти, но и бюрократии. В российском контексте сфера публичности оказывается весьма неоднозначным феноменом, поскольку подлинная автономия частного и публичного не осуществлена. Это еще один фактор, создающий возможность коррупции. Сфера политики, публичности также является полем давления на индивида социальной группы, ее специфических норм, представлений, ментальности. Речь идет о правящем классе, о группах внутри элиты. В разных социальных и политических группах публичность – это функция всех измерений ситуации, она может носить разный характер. Здесь вновь возникает тема конформизма.

Степень выраженности конформизма зависит от всей совокупности свойств и отношений конкретной социальной группы. «Конформизм – изменение поведения или убеждений индивида в результате давления группы – проявляется в форме уступчивости и в форме одобрения. Уступчивость – это внешнее следование требованиям группы при внутреннем неприятии их. Одобрение – это сочетание поведения, соответствующего социальному давлению, и внутреннего согласия с требованиями последнего» [Майерс 2002]. Одни ситуации способствуют усилению конформизма, другие препятствуют. Конформностью индивида и массы можно управлять. Максимальной конформности можно добиться, поддерживая некомпетентность, неуверенность в себе, сомнения в сложных ситуациях или принуждая принимать заданное решение. Единодушие, сплоченность и высокий статус социальной группы численностью более трех человек тоже способствуют усилению уровня конформизма. Конформизм усиливается и при условии, если ответ приходится давать публично при неподготов-

ленности индивида, когда не ясны условия, обязательства, права и пр. Очень непросто высказать мнение, отличающееся от общего или кажущегося таковым, или заданного лидером, это означает выглядеть «белой вороной». Публичность стимулирует конформизм, а неконформизм требует серьезных навыков противостояния давлению группы и особым нервным затратам.

В то же время конформизм не стоит осуждать огульно, поскольку он опирается на базовую потребность человека принадлежать определенной группе. Идеала баланса зависимости (привязанности) и независимости индивида от группы достичь очень сложно. Человек чаще всего подчиняется давлению коллектива для того, чтобы быть им принятым, не стать отверженным и получить доступ к информации и другим ресурсам группы. Отклониться от исполнения социальных норм – означает быть социальным изгоем, цена такого поведения может быть весьма высокой, вплоть до гибели. Нормативное влияние группы значительно даже в случае, если это неформальные нормы. Поэтому люди склонны к самооправданию в виде позднего обоснования своего решения, если им пришлось поддаться влиянию группы.

Также люди стремятся к одобрению окружающих, которое, как правило, следует, если поведение соответствует правильным поступкам, соответствующим групповым нормам. На уровень конформизма влияют и личностные качества, например способность к сопротивлению и автономии, и культурные традиции, а также коллективизм и отношения «круговой поруки». Новый член той или иной социальной группы, уже связанной коррупционными отношениями «круговой поруки», становится объектом давления формальных и неформальных норм данной группы. Он попадает в ситуацию необходимости выбора «быть как все», включиться в коррупционные сделки и связи или противостоять нормам группы в одиночку. Совершение коррупционных деяний становится для него более легким выбором, поскольку «зло, разделенное на мелкие порции» (Майерс), уже не представляется большим злом. Коллективная ответственность оказывается более размытой, нежели индивидуальная.

Изучение коррупции предполагает рассмотрение ее в качестве системы, детерминируемой и институциональными, и ментальными факторами. Соответственно, разработка антикоррупционных рекомендаций должна осуществляться с учетом необходимости реформирования всей системы государственного управления, институтов, норм и установок участников взаимодействия между должностными лицами и гражданами («клиентами»), а также практик. Однако борьба с коррупцией в России в настоящее время носит, на наш взгляд, имитационный характер, поскольку государственная политика последнего десятилетия не связана с монополизацией экономики, финансов, информационного рынка.

Власть фактически перешла на пропагандистские формы общения с обществом, не подразумевающие «прозрачность», подотчетность власти населению, возможность контроля и установления реальной правовой от-

ветственности должностных лиц за злоупотребления должностными положением и коррупционные действия. Поскольку в обществе доминирует подданническая политическая культура, а то и вовсе архаические формы отношения к власти, пассивное принятие коррупции в качестве рутинной социальной нормы, бессознательное стремление решить любые проблемы любым доступным способом, включая неправовые, то и от большинства населения трудно ждать реальной борьбы с коррупцией. Научные рекомендации на этот счет, адресованные власти, остаются невостребованными, как и формула Р. Клитгаарда, согласно которой «уровень коррупции в органе власти растет со степенью его монополизма и объемом дискреционных полномочий и падает с ростом подотчетности и ответственности» [Сатаров 2013: 38]. Устранение причин коррупции в условиях, когда она носит системный характер и служит одной из основ нынешнего положения элитных групп, представляется маловероятным. Однако необходимо видеть перспективы и пути противодействия коррупции.

Общие подходы противодействия коррупции состоят в создании «условий, когда следование нормам закона и общественной морали будет наиболее выгодным» для большинства людей [Мартьянов 2012: 65]. При определении государственной политики противодействия коррупции важно учесть присущий большинству людей конформизм, глубинную склонность людей быть с группой «своих», «быть как все» и использовать этот механизм ради установления систематического влияния правовых норм на реальное поведение ради реализации законов на практике, в правовых отношениях. В этом случае элите самой придется следить за качеством законов, находиться в правовом поле и подчиняться принципам верховенства права и равенства всех перед законом, а также существенно изменить нормы отношений внутри элитных групп. Отношения «круговой поруки» необходимо заменить нормами индивидуальной правовой ответственности за надлежащее исполнение должностных обязанностей.

Материал поступил в редколлегию 01.09.2014 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Булгакова И.Г. 2012. Некоторые аспекты профилактики коррупции в системе органов государственной власти // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции : материалы Первого Евразийского форума и VII Междунар. шк.-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30-31 мая 2012 г.). / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.М. Цирин. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ : Юрид. фирма «Контракт». С. 325-330.

Виноградов В.В. 1999. История слов / Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Ин-т рус. яз. РАН. 1138 с.

Гельман В.Я. 2010. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. № 2(57). С. 6-24.

Голик Ю.В., Карасев В.И. 2005. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб. : Юрид. центр Пресс. 329 с.

- Даль В.И. 1998. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. П – Р / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Цитадель. 896 с.
- Зубарев С.М. 2011. Хрустальный купол фантазий. М. : Academia. 288 с.
- Леонтьева Э.О. 2010. Восприятие коррупции в стереотипах массового сознания россиян // *Полития*. № 1(6). С. 45-51.
- Майерс Д. 2002. Социальная психология [Электронный ресурс]. СПб. : Прайм-Еврознак. 512 с. URL: [http:// www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/mayers/06.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/mayers/06.php) (дата обращения: 26.05.2014).
- Мартыанов В.С. 2012. Хроническая болезнь человечества // *Вестн. Моск. антикоррупц. комитета*. № 2. С. 64-72.
- Панкевич Н.В. 2009. Коррупционные риски в условиях глобализации // *Полития*. № 4(55). С. 75-85.
- Пинкевич Т.В. 2012. Влияние коррупции на социальную нестабильность в регионе (по материалам исследований, проведенных в Северо-Кавказском федеральном округе) // *Правовые инновации в сфере противодействия коррупции : материалы Первого Евразийского форума и VII Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30-31 мая 2012 г.)* / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.М. Цирин. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ : Юрид. фирма «Контракт». С. 117-121.
- Римский В.Л. 2012. Социальные факторы, порождающие и поддерживающие коррупцию в ГИБДД России // *Властные структуры и группы доминирования : материалы Десятого Всерос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации»* / под ред. А.В. Дуки. СПб. : Интерсоцис. С. 397-432.
- Римский В.Л. 2013. Коррупционность // *Гражданское и политическое в российских общественных практиках* / под ред. С.В. Патрушева. М. : РОССПЭН. С. 59-70.
- Сатаров Г.А. (ред.) 2013. Российская коррупция: уровень, структура, динамика : Опыты социологического анализа. М. : Фонд «Либеральная миссия». 752 с.
- Хабриева Т.Я. 2012. Научно-правовые проблемы противодействия коррупции // *Правовые инновации в сфере противодействия коррупции : материалы Первого Евразийского форума и VII Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30-31 мая 2012 г.)* / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.М. Цирин. М. : Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ : Юрид. фирма «Контракт». С. 23-35.
- Эриксон Э.Г. 2002. *Детство и общество* : пер. с англ. СПб. : Речь. 416 с.

References

- Bulgakova I.G. *Nekotorye aspekty profilaktiki korrupcii v sisteme organov gosudarstvennoj vlasti* [Some aspects of the prevention of corruption in government bodies], L.V. Andrichenko, A.M. Cirin (resp. red.), *Pravovye innovacii v sfere protivodejstvija korrupcii : materialy Pervogo Evrazijskogo foruma i VII Mezhdunar. shk.-praktikuma molodyh uchenyh-juristov (Moskva, 30-31 maja 2012 g.)* [Legal innovations in the field of combating corruption: the First Eurasian Forum and the VII International School-Workshop of young legal scholars (Moscow, May 30-31, 2012)], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravn. pravovedenija pri Pravitel'stve RF, Jurid. firma «Kontrakt», 2012, pp. 325-330. (in Russ.).
- Dal' V.I. *Tolkovij slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. V 4 t. T. 3* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian language, vol. 3], Moscow, Citadel', 1998, 896 p. (in Russ.).
- Erikson E.H. *Detstvo i obshhestvo* [Childhood and Society], St. Petersburg, Rech', 2002, 416 p. (in Russ.).
- Gel'man V.Ja. «Podryvnye» instituty i neformal'noe upravlenie v sovremennoj Rossii [“Subversive” institutions and informal control in modern Russia], *Politija*, 2010, no. 2(57), pp. 6-24. (in Russ.).
- Golik Ju.V., Karasev V.I. *Korrupcija kak mehanizm social'noj degradacii* [Corruption as a mechanism of social degradation], St. Petersburg, Jurid. centr Press, 2005, 329 p. (in Russ.).

Habrieva T.Ja. *Nauchno-pravovye problemy protivodejstvija korrupcii* [Scientific and legal problems of anti-corruption], L.V. Andrichenko, A.M. Cirin (resp. red.), *Pravovye innovacii v sfere protivodejstvija korrupcii : materialy Pervogo Evrazij-skogo foruma i VII Mezhdunar. shkoly-praktikuma molodyh uchenyh-juristov (Moskva, 30-31 maja 2012 g.)* [Legal innovations in the field of combating corruption. Proceedings of the first Eurasian Forum and the VII International School-Workshop of young legal scholars (Moscow, May 30-31, 2012)], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravn. pravovedenija pri Pravitel'stve RF, Jurid. firma «Kontrakt», 2012, pp. 23-35. (in Russ.).

Leont'eva Je.O. *Vosprijatie korrupcii v stereotipah massovogo soznanija rossijan* [The perception of corruption in the stereotypes of the mass consciousness of Russians], *Politija*, 2010, no. 1(6), pp. 45-51. (in Russ.).

Mart'janov V.S. *Hronicheskaja bolezn' chelovechestva* [Chronic disease of mankind], *Vestn. Mosk. antikorrupc. komiteta*, 2012, no. 2, pp. 64-72. (in Russ.).

Myers D.G. *Social'naja psihologija* [Social Psychology], St. Petersburg, Prajm-Evroznak, 2002, 512 p., available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/mayers/06.php (accessed in 26 May 2014). (in Russ.).

Pankevich N.V. *Korrupcionnye riski v uslovijah globalizacii* [Corruption risks in the context of globalization], *Politija*, 2009, no. 4(55), pp. 75-85. (in Russ.).

Pinkevich T.V. *Vlijanie korrupcii na social'nuju nestabil'nost' v regione (po materialam issledovanij, provedennyh v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge)* [The effect of corruption on the social instability in the region (based on studies conducted in the North Caucasian Federal District)], L.V. Andrichenko, A.M. Cirin (resp. red.), *Pravovye innovacii v sfere protivodejstvija korrupcii : materialy Pervogo Evrazij-skogo foruma i VII Mezhdunar. shkoly-praktikuma molodyh uchenyh-juristov (Moskva, 30-31 maja 2012 g.)* [Legal innovations in the field of combating corruption. Proceedings of the first Eurasian Forum and the VII International School-Workshop of young legal scholars (Moscow, May 30-31, 2012)], Moscow, In-t zakonodatel'stva i sravn. pravovedenija pri Pravitel'stve RF, Jurid. firma «Kontrakt», 2012, pp. 117-121. (in Russ.).

Rimskij V.L. *Korrupcionnost'* [Corruption], S.V. Patrushev (ed.), *Grazhdanskoe i politicheskoe v rossijskikh obshhestvennyh praktikah*, Moscow, ROSSPJeN, 2013, pp. 59-70. (in Russ.).

Rimskij V.L. *Social'nye faktory, porozhdajushhie i podderzhivajushhie korrupciju v GIBDD Rossii* [Social factors generating and supporting corruption in the Russian State Automobile Inspection Service], A.V. Duka (ed.), *Vlastnye struktury i gruppy dominirovanija : materialy Desjatogo Vseros. seminaru «Sociologicheskie problemy institutov vlasti v uslovijah rossijskoj transformacii»* [Power structures and group dominance: Proceedings of the Tenth All-Russian seminar «Sociological problems of government institutions in the conditions of the Russian transformation»], St. Petersburg, Intersocis, 2012, pp. 397-432. (in Russ.).

Satarov G.A. (ed.) *Rossijskaja korrupcija: uroven', struktura, dinamika : Opyty sociologicheskogo analiza* [Russian corruption: the level, structure and dynamics. Experience of the sociological analysis], Moscow, Fond «Liberal'naja missija», 2013, 752 p. (in Russ.).

Vinogradov V.V. *Istorija slov* [History of words], Moscow, In-t rus. jaz. RAN, 1999, 1138 p. (in Russ.).

Zubarev S.M. *Hrustal'nyj kupol fantazij*, [Crystal dome of fantasies], Moscow, Academia, 2011, 288 p. (in Russ.).

Irina B. Fan, Doctor of Political Science, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg. Irina-fan@yandex.ru

POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF REPRODUCTION OF CORRUPTION

Abstract: The theme of this article is political and psychological, institutional (situational) and value (mental, subjective) factors, conditions and mechanisms of reproduction of corruption in today's Russia. The negative impact of corruption – the criminalization of the state and society,

unfair redistribution of public goods, social polarization and social tensions, etc. – are described. Sociological studies show that corruption in Russia has become an informal but stable social and political institute. Political psychology allows to combine theoretical and practical approaches of the individual (e.g., psychoanalytical) and social psychology in the study of corruption as a phenomenon associated with public relations and public administration. The article investigates the formation of formal and informal social norms in social groups and social stereotypes. The psychological conformity or pressure, of group norms over the individual, and the importance of socialization in the family in order to distinguish between private and public life of the individual is observed. One of the social causes of corruption is the lack of values and trust agreement, the fragmentation of the society into groups of “us” and “them” according to different criteria. This result is “double standard” assessment of similar actions based on membership in a particular group. The conventionalism of mass perceptions of corruption among “owns” as a social norm is a matter of concern. The article provides general anti-corruption approaches.

Keywords: policy, corruption, conformity, social stereotype, social group, social norm, public sphere, privacy, psychoanalysis, political and legal culture.